

Е Байчуань, Чжан Боно, Луань Цюжуй

Октябрьская революция и распространение русского языка в Китае (1920–1930-е годы)

Язык — чувствительная система знаков, отражающая исторические изменения, и одно из важнейших средств культурной коммуникации; его распространение, безусловно, представляет собой процесс расширения и углубления контактов между различными культурами. В настоящей статье авторы анализируют влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на Китай с точки зрения распространения русского языка.

После первой «опиумной войны» (1840 г.) китайские патриоты, надеявшиеся на выход своей страны из колониального положения, встали на поиски путей спасения отечества. Их усилия привели к таким значительным событиям, как *янью юньдун* (движение по усвоению заморских дел), *усюй бяньфа* (100 дней реформ), Синьхайская революция. Однако положение Китая, по сути, не изменилось: милитаристские междоусобицы и непрерывные войны серьезно ослабляли государство. Все это растянулось до Октябрьской революции в России. В 1919 г. на Парижской мирной конференции было принято решение передать колониальный город Циндао, подчинявшийся Германии, в руки Японии. Следствием этого стало китайское патриотическое Движение 4 мая, в результате которого китайская интеллигенция, возлагавшая надежду на справедливость западных стран, бросила взор

Е Байчуань
доц., Народный
университет Китая
(Пекин, Китай)

Чжан Боно
канд. филол. наук,
ст. преп., Пекинский
педагогический
университет
(Пекин, Китай)

Луань Цюжуй
аспирант, Амурский
государственный
университет
(Благовещенск,
Россия)

в сторону России, пережившей революцию и вставшей на путь социалистического развития государства¹. Таким образом, Россия постепенно становилась одной из главных стран, оказывавших глубокое влияние на процесс развития китайского общества в течение XX в.

Указанное влияние отразилось в первую очередь на культурном аспекте. На фоне *Нового культурного движения*² в период Движения 4 мая китайские интеллигенты в 1920–1930-е гг. развили активную деятельность по ознакомлению китайского общества с российской и советской культурой, в частности с литературными произведениями и революционной историей. Итак, русский язык, распространявшийся на территории Китая не менее 200 лет³, начал активное проникновение в китайскую жизнь, что выразилось в продолжении преподавания русского языка, появлении переводов большей части литературных произведений и теоретических литературоведческих работ российских авторов. Кроме того, появление в обиходе русских слов с точки зрения культурной составляющей оказало значительное влияние на развитие китайского общества.

Русский язык в Китае в период Движения 4 мая. Обучение русскому языку было одним из самых эффективных способов его распространения в Китае. Трагический урок в дипломатической истории новой эпохи Китая привел к тому, что педагоги ощутили актуальную неотложность подготовки специалистов в области иностранных языков. В «Учебной программе для средней школы», разработанной в 1923 г., было предъявлено следующее требование к иностранным языкам: доля учебного времени, отводимого на них, должна превысить 20 % от общего количества учебных часов; она должна быть больше, чем по любому из преподаваемых предметов, в том числе по китайскому языку. Несмотря на то что впоследствии эта доля снизилась, русский язык, наряду с английским, японским, немецким и французским, тоже был включен в учебную систему среднего и высшего образования Китая.

Основным центром распространения русского языка являлся Пекин. Учрежденная здесь в 1708 г. Школа русского языка и культуры представляла собой одно из первых образовательных учреждений, где шло обучение русскому языку. В 1862 г. был основан Пекинский институт иностранных языков, и несколько позже Школа русского языка и культуры влилась в его структуру. В то время в Пекинском институте иностранных языков некоторые предметы преподавались на английском, французском и русском языках. Отдел русского языка был назван «матерью всех отделов». В 1902 г. Пекинский институт иностранных языков присоединили к Столичным учительским палатам.

В 1920–1930-е гг. в Пекине русский язык преподавался главным образом в таких организациях и образовательных учреждениях, как отдел по русскому языку при МИДе, на кафедре русского языка Пекинского университета, в Китайско-российском университете, в Северном университете путей сообщения. Отдел по русскому языку при МИДе возник на базе Школы русского языка при правлении Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД), и после образования Китайской Республики эта Школа была реорганизована в отдел по русскому языку при МИДе, который впоследствии был подчинен управлению

Министерства образования и неоднократно переименовался. Выпускники Школы русского языка при правлении КВЖД работали в МИДе Китая, в северо-восточных районах страны, в регионе Синьцзян и других пограничных регионах. Статистические данные свидетельствуют о том, что число выпускников этой школы в период между 1914–1917 г. составляло 35 чел., между 1918–1921 гг. — 85, между 1921–1924 гг. — 74, в 1925 г. — 28, в 1926 г. — 10, в 1928 г. — 16⁴. Таким образом, период с 1918 по 1924 г. был временем наиболее активной подготовки специалистов в области русского языка. Среди выпускников, вышедших из этой Школы, выделялся ряд знаменитых переводчиков: Цюй Цюбо, Гэн Цзичжи, Шэнь Ин.

В Пекинском университете также преподавали русский язык. Этот вуз первоначально носил название «Столичные учительские палаты». Русский язык в нем являлся одним из пяти преподаваемых иностранных языков. После Движения 4 мая по инициативе Чжан Симаня⁵ и Ли Дачжао⁶ ректор Цай Юаньпэй принял решение создать в Пекинском университете кафедру русского языка. Работая в Пекинском университете, Чжан Симань написал учебные пособия «Грамматика русского языка», «Средний курс этимологии русского языка» и книгу «Новая Россия». Данные работы Чжан Симаня в тот период стали полноценными учебниками по изучению русского языка. Однако, к сожалению, общее число выпускников — специалистов по русскому языку в Пекинском университете в период 1920–1927 гг. было невелико и составило лишь 11 чел.⁷

Наряду с Пекинским университетом благодаря Чжан Симаню в Китайско-российском университете и Северном университете путей сообщения была открыта специальность «русский язык». Однако после того как милитарист из провинций Северо-Востока Чжан Цзолин, враждебно относившийся к Советской России, стал подчинять себе пекинские власти, в указанных высших учебных заведениях русскому языку был нанесен серьезный удар — его преподавание либо пришло в упадок, либо прекратилось вовсе.

Подготовка специалистов по русскому языку в Пекине была сопряжена со значительными трудностями. Кроме нехватки педагогических кадров и соответствующих учебных пособий, а также с учетом сложности русского языка обозначился ряд факторов, ограничивающих возможность развития этой специальности. Так, в ходе Нового культурного движения китайцы были поражены культурой Европы и США, а СССР в их представлениях оказался страной относительно отсталой. В связи с этим молодежь была более склонна к изучению английского и других западноевропейских языков. Кроме того, в процессе обучения русскому языку практически всегда отсутствовала поддержка со стороны высшего руководства страны. И Бэйянское правительство, и Чан Кайши демонстрировали определенное отношение к советской власти, которое иногда даже перерастало во враждебную политику. Разумеется, эта ситуация была связана с внешней политикой.

С одной стороны, советское правительство в духе идей мировой революции, сформулированных В. И. Лениным, стремилось установить дипломатические отношения с пекинской властью, а с другой — оказывало активную поддержку революционной власти в провинции Гуандун, находившейся в оп-

позиции к пекинским руководителям. Оно также занималось пропагандой революционных настроений на территории Китая. Советская власть не желала оставлять свои интересы в Китае, которые были сформулированы в 1919–1920 гг. в Декларации к народу и правительствам Южного и Северного Китая. Споры между китайской и советской властью были сфокусированы на внешней Монголии, КВЖД и проблеме компенсации китайских резидентов. Интересы стран были изложены в Советско-китайском соглашении об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, заключенном между двумя правительствами в 1924 г. Неудивительно, что каждый властитель, за исключением Фэн Юйсяна, относился к Советскому Союзу с некоторой настороженностью, в особенности Чжан Цзолинь, который воспринял большевистскую власть враждебно и после того, как возглавил пекинское правительство, казнил Ли Дачжао и других коммунистов. Разумеется, он всячески препятствовал преподаванию русского языка в высших учебных заведениях. Что касается Чан Кайши, то после визита в СССР от имени Сунь Ятсена он охарактеризовал советскую власть как насильственную и категорически выступил против сотрудничества между Гоминьданом и компартией. В результате инцидента 12 апреля 1927 г., сопровождавшегося массовым истреблением китайских коммунистов силами Гоминьдана и его союзников в Шанхае, Чан Кайши прервал отношения с компартией и подтолкнул Чжан Сюеляна к тому, чтобы силой взять право на управление КВЖД. Таким образом, под влиянием вышеупомянутых факторов в 1920–1930-е гг. процесс преподавания русского языка в Пекине затухал.

Однако наряду с Пекином в соседних с Россией районах, в частности в Синьцзяне и северо-восточной части Китая, ввиду сложности китайско-советских отношений наблюдалась большая востребованность специалистов, владеющих русским языком. В 1921 г. Министерство образования отметило первостепенное значение обучения русскому языку в провинциях Хэйлунцзян, Фэнтянь и Синьцзян и назначения попечителей, ориентированных на контроль за разработкой и реализацией методики преподавания образовательной программы этого иностранного языка⁸.

На территории северо-восточного Китая всегда существовала большая активность в двухсторонних связях. После завершения строительства КВЖД и Октябрьской революции большое количество российских эмигрантов переправилось через границу на территорию северо-востока Китая. В городах, расположенных вдоль КВЖД, отмечалось смешанное проживание китайцев и русских, что создавало в этих районах своеобразные условия, благоприятствующие распространению русского языка. Другие районы значительно уступали северо-восточной части Китая по влиянию и популярности использования данного языка. Типичный пример — город Харбин. В 1920–1930-е гг. русские резиденты разработали в этом городе целостную образовательную систему, включавшую подготовку от начальной и средней школы до профессиональных училищ и высших учебных заведений. С увеличением числа образовательных учреждений, открытых русскими эмигрантами, часть из них начала принимать и китайских учащихся. Оказалось, что посещение уроков в этих школах само

по себе давало возможность изучать русский язык. После подписания Советско-китайского соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой КВЖД была подчинена управлению обеих сторон — Китая и СССР, что привело к более тесной связи между двумя странами. В 1926 г. в 48 российских школах, подчиненных Управлению КВЖД, насчитывалось 2000 китайских учащихся, что составляло 16 % от общего числа учащихся⁹. Эти цифры намного превышали общее количество людей, владеющих русским языком в Пекине, Синьцзяне и других районах Китая. Быстрое развитие дела обучения русскому языку на северо-востоке Китая было вызвано рядом факторов, среди которых следует выделить строительство КВЖД, наличие большого числа русских резидентов и доминирующее влияние русского языка в этом регионе.

Другим пограничным районом, имеющим тесные связи с Россией (СССР), принято считать Синьцзян. После Октябрьской революции синьцзянское правительство во главе с Ян Цзэнсином активизировало дипломатические отношения с советскими властями в Средней Азии, предусматривавшие взаимную отправку консулов, заключение торгово-экономических соглашений и т. д. В 1924 г. по инициативе местного правительства был учрежден специальный Синьцзянский областной русский политико-юридический институт. С момента его создания и до ухода губернатора провинции Синьцзян Цзинь Шужэня со своей должности (1933 г.)¹⁰ из стен этого учебного заведения вышло в общей сложности более 100 выпускников. Однако, несмотря на наличие совместной границы с Россией, из-за отсутствия железной дороги, аналогичной КВЖД, и смешанности проживания китайцев и русских район Синьцзян в процессе обучения русскому языку имелся ряд проблем.

Помимо вышеупомянутых образовательных учреждений, в 1920–1930-е гг. в распространении русского языка в Китае немаловажную роль сыграла и Шанхайская школа иностранных языков. Она была основана компартией Китая и стала центром подготовки учащихся, затем отправленных Коммунистической партией Китая (далее — КПК) в СССР. Из этой школы вышли первые руководители КПК и специалисты в сфере изучения русской культуры, которые после получения начального образования по русскому языку продолжили учебу в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина и университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена.

В апреле 1920 г. Ян Минчжай¹¹ был назначен помощником представителя Коминтерна в Китае Григория Войтинского (Зархина) и вместе с последним приехал в Китай, чтобы выйти на связь с активными революционерами-интеллектуалами. В тот же год он лично основал Шанхайскую школу иностранных языков, целью которой была подготовка кадров для развития китайской революции и учащихся, способных продолжить учебу в Советском Союзе. Ян Минчжай занимал должность директора этой школы. В ней обучали в основном русскому языку, несмотря на то что в ее названии имелось словосочетание «иностранные языки». Большинство обучавшихся в школе поступали туда по рекомендации коммунистических органов или конкретных коммунистов и были выходцами из провинций Чжэцзяна, Анхоя и Хунаня. Часто рекомендации да-

вала Ассоциация по изучению России, организованная Мао Цзэдуном и его сподвижниками. В этой школе занималось немало первых руководителей КПК: Лю Шаоци, Луо Цзюе (или Луо Инун) Жэнь Биши, Сяо Цзиньгуан, Пэн Шучжи, Сюй Чжичжэнь и др., которые по окончании школы продолжили учебу в СССР¹². Шанхайская школа иностранных языков имела большое значение в деле распространения русского языка в Китае.

Рост числа переводов русских литературных произведений после Движения 4 мая. Другим способом распространения русского языка на территории Китая стал перевод русских литературных произведений и работ, связанных с марксистской концепцией литературы и искусства. Во время Нового культурного движения в китайских культурных кругах работу над переводом иностранной литературы воспринимали как один из основных каналов распространения в Китае новых идей и мыслей. Кроме изданий, в которых опубликовались переведенные работы, по инициативе активных общественных деятелей были созданы Ассоциация литературоведения¹³, Творческое общество¹⁴, Безымянное общество¹⁵ и другие подобные им литературные кружки, сосредоточенные именно на переводах. Особое внимание Цюй Цюбо, Лу Синя¹⁶ и Мао Дуна¹⁷ было привлечено к русской литературе, выражающей, на их взгляд, глубокое значение реальности, а также высокий уровень социальной ответственности. Лу Синь считал русскую литературу «учителем и другом». В 1920–1930-е гг. на Китай обрушился бум переводов русской литературы.

Начало работы над переводом русских литературных произведений на китайский язык относится к последнему периоду династии Цин¹⁸. До Движения 4 мая в Китае уже были переведены не менее 80 работ А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, В. Гаршина, Л. Андреева и других крупных русских писателей. На их долю приходился значительный объем от общего числа переведенных зарубежных литературных произведений, однако значительная часть этих работ была переведена с японского или английского языка на древнекитайский *вэньяньвэнь*¹⁹. Большая работа, направленная на перевод русской литературы непосредственно с русского языка, была начата после Движения 4 мая. По некоторым подсчетам, за 8 лет после Движения 4 мая количество переведенных зарубежных литературных произведений достигло 187, среди которых наибольшее количество — 65 (треть от общего числа переводов) — переводы русской литературы²⁰.

В 1920 г. издательство «Новый Китай» в Пекине опубликовало «Собрание рассказов русских классиков», которые были переведены Цюй Цюбо и Гэн Цзичжи; это первый сборник, переведенный непосредственно с русского языка. После этого Цюй Цюбо, Гэн Цзичжи, Вэй Суюань, Цао Цзинхуа и другие классики активно включились в работу по переводу русской литературы на китайский язык. Лу Синь высоко оценил работу Цюй Цюбо, заметив, что «его творчество отличается тем, что в нем слышится верность оригиналу и заметен хороший слог»²¹. Основное внимание Цюй Цюбо было сконцентрировано на творчестве М. Горького («Сборник произведений М. Горького»). Многие китайские писатели, не знающие русского языка, познакомились со стихотворением М. Горького «Песня о буреветнике» именно в переводе Цюй Цюбо.

Этот перевод широко распространился в 1930-е гг., став самой популярной переводной версией. Однажды на встрече любителей поэзии Го Можо²² читал «Песню о буревестнике» на китайском языке именно по тексту, переведенному Цюй Цюбо²³. Переводу рассказа Горького «Двадцать шесть и одна», осуществленному Цюй Цюбо, Мао Дун дал очень высокую оценку: «Этот перевод, скорее всего, оказывается наилучшим, и не только среди имеющихся аналогов на китайском языке, но и на других языках»²⁴. Помимо произведений М. Горького, Цюй Цюбо также перевел текст песни «Интернационал», получивший широкую популярность в Китае²⁵.

Гэн Цзичжи, однокашник Цюй Цюбо, не уступал последнему в сфере перевода. Он был признан одним из первых крупных лиц, взявших на себя работу по изучению русской литературы и ознакомлению китайских читателей с ней. Он серьезно относился к своему делу и дольше всех работал над переводом, а также лидировал среди китайских переводчиков по числу произведений, переведенных с русского. Из шедевров, вышедших из-под его пера и оказавшихся первыми переводами на китайский, можно перечислить произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Записки из мертвого дома», «Подросток», «Идиот», «Братья Карамазовы» и др. В Китае со второй половины 1920-х гг. до 50-летия со дня смерти Достоевского (1931 г.) Гэн Цзичжи внес огромный вклад в перевод его работ.

Цюй Цюбо и другие китайские интеллектуалы активно включились в перевод русских литературных произведений после Движения 4 мая²⁶, что, несомненно, помогло китайским читателям лучше усвоить советско-российскую культуру и содействовало процессу распространения русского языка в Китае.

В этот период усилия были направлены на перевод не только литературных произведений, но и работ, связанных с марксистским учением о литературе и искусстве. До Движения 4 мая в Китае были практически недоступны переводные работы, которые рассказывали бы о теории марксизма. Последовавший перевод большого числа марксистских произведений позволил современникам констатировать: «Марксизм-ленинизм широко распространяется на земле Китая на основе культурных контактов между Китаем и Советским Союзом. Вместе с тем в XX в. в Китае быстро распространились идеи советского литературоведения, в основу которых положен именно марксизм-ленинизм. Это развитие достигло кульминации после Движения 4 мая»²⁷. Литератор, переводчик и революционер Цюй Цюбо представил китайским писателям и широким слоям китайских читателей теорию марксизма о литературе и искусстве, а также творческие работы великого пролетарского писателя М. Горького, непосредственно определив общее направление левой литературы Китая, способствуя проникновению в Китай пролетарской литературы.

Цюй Цюбо распространил творческие произведения М. Горького среди широких сословий китайских читателей, перевел на китайский язык «Собрание избранных сочинений М. Горького», советские критические и литературоведческие работы о М. Горьком и его творчестве. Благодаря Цюй Цюбо советский писатель стал близок душе китайского народа и почитался в Китае почти столетие. Долгое время в Китае знали лишь имя М. Горького, а, например, Леонид

Андреев, который пользовался в России не меньшей славой, чем М. Горький, известен в Китае намного меньше, несмотря на то что писатель Лу Синь отнесся к нему с огромным уважением и первым включил его произведения в свое «Собрание рассказов зарубежья».

После смерти Цюй Цюбо Лу Синь переработал его переводы и опубликовал их в двухтомном собрании «Хайшаншулинь», включающем переведенные Цюй Цюбо литературные произведения и теоретические литературоведческие работы (800 тыс. слов). Первый том — собрание теоретических литературоведческих работ, рассматривающих классическое учение Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина о литературе и искусстве, а также статьи М. Горького; второй том — собрание литературных произведений, включающее творчество М. Горького, стихи (в частности, «Освобожденный Дон Кихот»), драмы, рассказы и другую прозу А. В. Луначарского.

3. Русская лексика в китайском языке — влияние культуры России на Китай на языковом уровне. После Движения 4 мая в Китай пришла волна советской и российской культуры. Двусторонняя связь непрерывно усиливалась на основе отношений между Советской Россией и Китаем, между советской компартией, Интернационалом и китайской компартией, между компартией и Гоминьданом Китая. Все это привело к тесному взаимопроникновению китайского и русского языков. В лексику китайского языка попало большое число русских слов. Данный процесс способствовал формированию четвертого за историю развития китайского языка периода заимствования иноязычной лексики²⁸. По подсчетам лингвистов, в современном китайском языке насчитывается около 1200 слов русского происхождения, часть из которых следует отнести именно к периоду после 4 июня²⁹. Это время — один из важнейших этапов формирования и развития китайского языка, и заимствование большого числа русской лексики в немалой степени обогатило его. Вместе с тем китайский язык, самобытный в способности к словообразованию, создал ряд новых слов, связанных с исконно русской культурой³⁰.

В рассматриваемый период существовали два пути заимствования русской лексики. Первый был связан с компактным культурным контактом, который осуществлялся преимущественно через перевод российских литературных произведений. Попавший в китайский словарный состав русский лексикон оформился в письменном виде. Второй путь заимствования обусловлен смешанным проживанием китайцев и русских в районах северо-востока Китая вдоль КВЖД, например в городе Харбине. Усвоенная лексика данного рода фиксировалась в основном в разговорной форме³¹. С точки зрения перспектив влияния второй тип заимствования оказался эффективнее, однако с точки зрения масштабы охвата первый тип следует признать более продуктивным. Часть исконно русских слов, отражающих оттенки временных специфических черт, в ходе письменного перевода попали в сферу китайского языка и своей политико-культурной составляющей оказали воздействие на развитие китайского общества, в особенности в 1920–1930-е гг. В дальнейшем наше внимание будет обращено на заимствования второго типа.

После Октябрьской революции в России китайская интеллигенция обратила внимание на новую советскую власть. Ряд новых русскоязычных слов, например *Совет*, *большевик*, оказались в китайском обиходе. В 1919 г. политик Чжан Цзюньмай в работе «Конституция Российской Советской Федеральной Социалистической Республики» впервые рассказал о происхождении слова *Совет*: «Россия представляется как Советская Республика в лице рабочих, военнослужащих и крестьян... В общем, органы государственной власти управляются собранием, организованным рабочими и военнослужащими. В этом и заключается источник Советской Республики»³². Советская власть как новая форма управления государством сразу привлекла внимание китайской интеллигенции. Юй Сунхуа, сопровождавший в 1920 г. Цюй Цюбо во время его нахождения в России, относился к Советской России неодобрительно. В очерке «Заметки о красной России» он отметил: «В Китае я считал, что источником политической системы сегодняшней России является Совет. А после приезда в Россию я понял, что реальность оказалась совершенно иной, нежели мне казалось. Советы в России на сегодняшний день не более чем органы, где рабочие и крестьяне практиковали политическое движение»³³. После этого слово *Совет* начало встречаться во многих газетах Китая. Только в 1920 г. было опубликовано 28 статей и переводов, связанных со словом *Совет*. Так, в журнале «Новая молодежь», который был признан рупором Нового культурного движения, в августе 1920 г. в была открыта специальная рубрика «О России», где печатались соответствующие статьи, преимущественно переводные. Например, в 1920 г. они касались просвещения, экономической политики, строительства общества, организаций трудящихся, беременных женщин и грудных детей в Советской России. Тогда же были опубликованы впечатления о поездке в Россию крупного английского философа Бертрана Рассела. В следующие годы в этом же журнале постоянно издавались статьи о России и СССР. Так, в 1921 г. было опубликовано 9 подобных статей, в 1922 г. — 13, в 1923 г. — 12, в 1924 г. — 16, в 1925 г. — 14, в 1926 г. — 7, в 1928 г. — 10, в 1929 г. — 22, не говоря о сборниках статей, в которых рассматривались проблемы Советской России.

Благодаря статьям, опубликованным в газетах, слово *Совет* стало знакомо китайской интеллигенции, превратившись в альтернативу новейшей модели политического режима. Одновременно высшие советские руководители стремились распространить подобный режим на весь мир, проводя в жизнь идею В. И. Ленина о мировой революции. 28 июля 1927 г. Сталин выступил с докладом «Мировая ситуация и защита СССР» и разделил китайскую революцию на три этапа: гуанчжоуский, уханьский и советский³⁴. В середине сентября того же года в Коминтерне было разработано «Решение о лозунгах правого гоминьдана и Совета», где заявлялось: «Китайская компартия на сегодняшний день обязана пропагандировать советские идеи, с одной стороны, и создать свой Совет в расцвете революционной борьбы — с другой»³⁵. Китайская компартия, созданная при помощи Коминтерна и СССР, утвердилась в мысли о том, что «мир делится по классам», а Советский Союз является «единственным источником — отчизной пролетариата всего мира» и «центром коммунистических партий всех стран мира». В связи с этим революцию в России следовало

рассматривать как пример для других компартий. Во всех странах революция, организованная по аналогии с российской, именовалась советской. В конце 1927 г. восставшие крестьяне в районе Хайлуфэне провинции Гуандун под руководством Пэн Пай одержали крупную победу, в результате чего новая власть после восстания именовалась советской. По этому случаю партийная газета КПК «Большевик» (т. 1, № 8) опубликовала статью «Первый на территории Китая Совет — восстание рабочих, крестьян и военнослужащих в районе Хайлуфэне», где утверждалось, что «Совет, основанный крестьянами в этом шумящем бунте, стал первым в истории Китая»³⁶. Затем и в других районах Китая начали создаваться органы советской власти. По приблизительным оценкам, к лету 1928 г. в сельских регионах Китая существовали 57 органов советской власти³⁷. В 1931 г. в городе Жуйцзине провинции Цзянси было учреждено временное центральное правительство Китайской Советской Республики, которое, однако, просуществовало лишь несколько лет. В 1934 г. Красной армии и административно-партийным кадрам пришлось покинуть эту советскую зону и окружающие ее районы. Китайская Советская Республика, образованная по советской модели, перестала существовать, а слово *Совет* ушло в историю.

С заимствованием слова *Совет* морфема *су*, сокращенная форма этого калькированного слова в китайском языке, приобрела в языковой среде новое культурное значение, а при ее помощи было образовано немало новых слов: *суэ* (Советская Россия), *суцьюй* (советский район), *суби* (советская валюта) и др. Благодаря созданию СССР в морфеме *су*, ставшей потом сокращением аббревиатуры СССР, наращивалось новое культурное понятие, и на ее основе образовались в китайском языке такие слова, как *суши* (советский), *чжунсу* (китайско-советский), *сугун* (Коммунистическая партия Советского Союза), *суцзюнь* (советская армия), *ляньгунляньсу* (сотрудничество с компартией и СССР), *люсупай* (относящийся к тем лицам, которые получили образование в СССР), *циньсупай* (просоветский, относящийся к тем лицам, которые действуют в интересах СССР и поддерживают его) и т. п.

Политический термин *большевик*, теснейшим образом связанный с советской властью России, также быстро перешел на территорию Китая. Ли Дачжао в статье «К победе большевизма» впервые употребил его: «Победа большевизма есть победа единого духа пробужденного человечества мира XX века!» Несмотря на то что Ли Дачжао не знал русский язык, через материалы, написанные на других языках, он уделил внимание этому слову. Термины *большевик*, *большевизм* и им подобные вошли в лексический фонд китайского языка, а также привлекли внимание китайской интеллигенции. В 1920 г. Цюй Цюбо в качестве корреспондента «Утренней газеты» посетил Москву. Он видел, что Россия страдала от тотального дефицита, и назвал свой очерк «Записки о крае, страдающем от голода». Первым городом, который посетил Цюй Цюбо в Советской России, стал Иркутск. Находясь там, он стремился понять мировоззрение голодных людей. Он слышал, как один старый инженер железнодорожного управления ругал большевиков: «В деревнях по всем вещам работает централизм, по курице, по рыбе, по утке, можно ли это? И торговать запрещают. Лишь у служащих есть что кушать, а неслужащих это дразнит, у них

ничего. Да ладно, смотри, что будет...»³⁸ Тем не менее партийное издание ЦК КПК в момент своего основания (2 октября 1927 г.) получило название «Большевик».

На определенном этапе после перевода у слова *большевик* появилось значительное количество китайских эквивалентов. В китайский лексикон также вошли слова, связанные по своему политическому значению со словом *большевик*: *меньшевик*, *меньшевизм*, *рабочие-меньшевики*, *меньшевик-интернационалист*, *меньшевистская группа* и т. д.

До Движения 4 мая в Китае фактически отсутствовали переводы или книги, которые были бы связаны с полноценной теоретической системой марксизма. После этого события Цюй Цюбо и другие китайские литераторы начали переводить марксистские труды непосредственно с русского языка. Не случайно впоследствии Мао Цзэдун в работе «К вопросу о диктатуре народной демократии» подчеркивал: «Прогремел выстрел Октябрьской революции, благодаря чему укоренился марксизм на китайской земле»³⁹. На этом фоне в словарный запас китайского языка вошли такие важные термины, как *марксизм*, *марксист*, *марксистские элементы*, *ленинизм*, *ленинисты*, *марксизм-ленинизм* и др. Теория деления общества на классы обусловила появление в системе новой революционной власти Китая группы слов, относящихся к исконно русской лексике: *классовый враг*, *классовая линия*, *борьба линий*, *пролетаризация*, *классовость*, *классово чуждые элементы*, *кулак*, *пролетариат* и т. п. В связи с тем, что партия большевиков в России не была однородной и состояла из различных группировок, внутри китайской компартии стали употребительны следующие исконно русские слова: *правые*, *правый уклон*, *правый оппортунизм*, *правое капитулянтство*, *правые капитулянты*, *правая детская болезнь*, *левый уклон*, *левый оппортунизм*, *левый догматизм*, *левый авантюризм* и др. Кроме того, во время Движения 4 мая широко распространилось слово *революция*. *Февральская революция*, *Октябрьская революция*, *революционные элементы*, *контрреволюционные элементы*, *социалистическая революция* (т. е. *Октябрьская революция*) и другие аналогичные термины вскоре после своего возникновения вошли в обиход китайского общества.

Кроме того, получили распространение русские заимствования из области культуры. Советская культура была политизированной, поэтому и термины, попавшие в китайский, обладают яркими специфическими чертами, характерными для советского времени. Типичный пример — словосочетание *культурная революция*. Под ним, как правило, подразумевают революцию в сфере культуры, осуществлявшуюся в первые годы советской власти, основанную на марксизме-ленинизме, атеизме и нацеленную на преобразование общественного сознания человека. Цель культурной революции заключалась в том, чтобы выработать новый тип советской культуры, т. е. пролетарский, и сделать социалистический реализм основой культурного творчества в Советском государстве. Конкретной формой выражения культурной революции стала пролетарская литература, основанная на пропагандистской деятельности правительства. Это оказало немалое влияние на китайскую интеллигенцию. Цюй Цюбо, представив китайскому обществу М. Горького как ярчайшую фигуру про-

летарского искусства, определил пролетарскую литературу в качестве главного направления левой литературы. Вслед за этим в китайский язык вошли такие термины, как *социалистический реализм* и *пролетарская литература*. Однако события, произошедшие в Китае в 1960–1970-е гг., тоже получили название культурной революции. В действительности это было искажением первоначального смысла данного словосочетания.

В лексическом строе китайского языка появляется ряд выражений, возникших в результате деятельности исторических личностей: *Ленин — ленинизм — антиленинисты*, *Бакунин — бакунизм*, *Сталин — сталинизм*, *Троцкий — троцкисты*, *Бухарин — бухаринцы — бухаринистская группировка — бухаринизм*, *Толстой — толстовство* и т. д. Употребляются и политические термины, заимствованные из русской культурной сферы: *комиссар*, *политподготовка*, *политическая работа*, *политрук*, *чистка партии*, *полусоциалистический*, *полуколония*, *враждебные элементы*, *антипартийная группировка*, *большевики российской компартии*, *Интернационал*, *комсомол*, *всенародность*, *социалистическая структура*, *военный коммунизм* и др.⁴⁰

Наряду с теми словами, которые целиком вошли в китайский язык, часть русской лексики с политическим значением в результате заимствования превратилась в Китае в морфему, содействующую зарождению новых слов. Наиболее распространены морфемы со значением цвета: *хун* (красный), *чи* (красный), *бай* (белый) и *хэй* (черный).

Китайские морфемы *хун* и *чи* символизируют революцию, это политическое значение они получили из русского прилагательного *красный*. До Октябрьской революции слово *красный* означало красивый, прекрасный. Однако в ходе событий 1917 г. в России слово *красный* усилило революционный смысл. Словосочетание *Красная площадь* вошло в китайский язык в форме *хунчан*, а красный цвет стал восприниматься как революционный. Свойственное политической культуре значение прилагательного *красный* было усвоено китайским языком благодаря Цюй Цюбо и другим переводчикам, которые представили китайскому обществу теорию марксизма-ленинизма и рассказали о русской революции. Морфема *хун* в своем словарном варианте получила значение *революция*.

В среде китайской интеллигенции красный цвет приняли для обозначения новой советской власти в России. 16 октября 1920 г. Цюй Цюбо, Юй Сунхуа и Ли Чжунью отправились из Пекина в СССР. На Пекинском вокзале провожавшие их Чжэн Чжэньдо и Гэн Цзичжи специально сочинили стихи: «Вы так ушли, на красный свет! Там жизнь нового мира, мы завидуем, а вы наслаждаетесь»⁴¹. Специфическое политическое значение морфемы *хун* быстро развилось в революционных районах и на его основе образовалось множество новых слов, например *хунцзюнь* (Красная армия), *хунсэчжэнцюань* (красная власть), *хунсэгэньцзюйди* (красная опорная база), *хунсин* (красная звезда), *хунсяогуй* (красноармеец-подросток). Партийная еженедельная газета, созданная ЦК КПК в районе Жуйцзинь, именовалась «Хунчичжоубао» («Красный флаг») (первый ее номер вышел в 1931 г. в Шанхае), и Жуйцзинь, таким образом, стал красной столицей.

Морфема *чи*, выступающая синонимическим вариантом *хун*⁴², тоже символизирует революцию. Особый интерес представляет строка из стихов Ли Дачжао: «Будущий мир будет полон красных флагов»⁴³. Цюй Цюбо, Юй Сунхуа и Цзян Гуанцы выбрали *чи* и *чисэ* для перевода русского слова *красный*. Цюй Цюбо во время пребывания в Советской России написал известный документальный очерк «Впечатления о красной столице», в предисловии к которому отметил: «В этом очерке буду записывать все, что связано с Москвой, все виденное и слышанное, и, конечно, все впечатления...»⁴⁴ В его работе встречаются новые слова и словосочетания, состоящие из морфемы *чи*, которая употребляется для обозначения политической жизни: *чицзюнь* (Красная армия), *чисэсувэйай* (красный Совет), *чиго* (красная страна), *чисэчичжи* (красный флаг), *чисэмосыкэ* (красная Москва), *чичан* (Красная площадь), *чичао* (красное течение), *чисэчжигунгоцзи* (Красный интернационал профсоюзов), *чисэшиюе* (Красный Октябрь), *чиэ* (красная Россия) и др.

Юй Сунхуа в работе «Заметки о красной России» каждую главу озаглавил, используя морфему *чиэ* (красная Россия): *чиэчживайцзяо* (дипломатия красной России), *чиэчжицинцзи* (экономика красной России), *чиэчживэньхуа* (культура красной России), *чиэчжичжэнчжи* (политика красной России), *чиэчжишэхойчжибань* (общество красной России).

В 1929 г. Коминтерн объявил 1 августа Всемирным красным днем и призвал революционеров всего мира встать на защиту всемирной революции и поддержать СССР, опиравшийся на рабочий класс. Компартия Китая приветствовала этот призыв и в ответ подготовила Декларацию КПК о Всемирном красном дне. Вслед за этим в китайском языке появились: *красный Интернационал*, *красный профинтерн*, *красный крестьянский Интернационал*, *красное международное рабочее сообщество* и другие политические термины. В 1934 г. еженедельная газета «Новая жизнь» опубликовала статью, которая разъясняла значение нового термина *Красный Интернационал*, т. е. *Третий Интернационал*. На той же полосе газеты под заглавием «Желтый Интернационал» шло разъяснение сути Второго Интернационала, который назывался желтым на том основании, что выступал за осуществление социализма не силой, а посредством действия парламента и законных движений.

Одновременно в тех районах Китая, которые находились под контролем Гоминьдана, возникло немало новых слов, образованных с помощью морфем *хун* и *хунсэ* и употребляемых с ярко негативным оттенком: *хунфы* (красный бандит), *хунсэкунбу* (красный террор), *хунмаоцзы* (красная шапка). Эти термины использовались для указания на экстремистскую или коммунистическую партию.

Другая пара морфем *бай* (белый) и *хэй* (черный), противоположная по смыслу морфемам *хун* и *чи*, также опиралась на российскую специфику; эти слова значат *реакционный*, *консервативный*, *отсталый*. В 1920–1930-е гг. эта пара морфем была чрезвычайно продуктивна в образовании новых слов. Разумеется, в русском языке две морфемы использовались в указании на все то, что имело отношение к Гоминьдану. В частности, районы, контролируемые Гоминьданом, были названы *байцьюй* (белыми районами), гоминьданская

армия — *байцзюнь* (белой армией), гоминьдановская власть — *байсэчжэн-цюань* (белой властью), бандиты, причинявшие вред народу, — *байфы* (белыми бандитами), массовое истребление революционеров, осуществлявшееся гоминьдановской властью, — *байсэкунбу* (белым террором). В китайском языке существуют также морфемы *хэй* и *хэйсэ*, приобретшие русское культурное символическое значение. *Черно-* и *черный* в русском языке обладают не только значением цвета, но и коннотацией реакционности и отсталости. Так были образованы новые слова: *черная реакция*, *черные силы*, *черный террор*, *черная сотня*, *черносотенцы* и др. Морфема *хэй* в этом смысле получила широкое распространение в китайском языке во время культурной революции (1966–1976 гг.). Между тем употребление морфемы *бай* в прежнем значении продержалось до 1970-х гг.

Таким образом, после Октябрьской революции в России и Движения 4 мая культура, связанная с русским языком как никогда широко распространялась на территории Китая. Это привело к сближению языков и культур двух стран. Процесс распространения русского языка в Китае совпал с этапом знакомства китайских интеллигентов с русской революцией. В этих условиях большое количество слов было заимствовано из русского языка. В них отразились политическая история и процесс развития Советского государства. Эти слова вошли в китайскую культуру, сохранив политические коннотации, получили дополнительное развитие и оказали существенное влияние на процесс преобразования китайского общества. Попавшая в этот период в словарный фонд китайского языка русская лексика закрепилась, демонстрируя поразительное сходство исторического развития, восходящее к периоду 1920–1930-х гг.

¹ 中苏关系史纲: 1917–1991年中苏关系若干问题再探讨 (История китайско-советских отношений: Еще раз о проблемах китайско-советских отношений в период 1917–1991) / под ред. 沈志华 (Шэнь Чжихуа). Пекин, 2011. С. 3.

² Это культурное движение началось по инициативе китайской интеллигенции под лозунгом «Свобода и демократия» и продолжалось в форме изучения передовых мыслей западных стран.

³ В 1708 г. китайское правительство с целью сохранения контактов между Китаем и Россией учредило первую Школу русского языка и культуры, где велось обучение русскому языку маньчжурских восьмизнаменосцев. Обучение продержалось вплоть до конца династии Цин.

⁴ 李永森 (Ли Юнсэнь), 姚远 (Яо Юань). 西北大学史稿 (Исторические записки о развитии Северо-западного университета). Сиань, 2002. С. 151–153. — См. также: 郝淑霞 (Хао Шуся). 中国俄语教育史 (1708–1949) (История преподавания русского языка в Китае (1708–1949)). Тяньцзинь, 2007. С. 140.

⁵ Член революционной организации Тунмэнхой, основоположник современной оппозиционной демократической партии Китая — Общества «Цзюсань», крупный русист.

⁶ Один из основоположников коммунистической партии Китая, занимавшийся в ранний период распространением марксизма.

⁷ История преподавания русского языка в Китае (1708–1949). С. 162.

⁸ Там же. С. 116.

⁹ *Еропкина О. И.* Русские и китайские школы на КВЖД 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 133. — См. также: История преподавания русского языка в Китае (1708–1949). С. 130.

¹⁰ Цзинь Шужэнь с 1928 по 1933 г. занимал должность губернатора провинции Синь-цзян.

¹¹ Ян Минчжай был одним из ведущих революционеров в период создания КПК. Он родился в провинции Шаньдун, позже присоединился к большевикам во Владивостоке и принял гражданство СССР. Погиб во время Великой депрессии.

¹² 郝淑霞 (Хао Шуся). 中共创办的第一所外语学校 上海外国语学社 (Первая школа иностранных языков, созданная КПК, Шанхайская школа иностранных языков) // 党史研究与教学 (Изучение и преподавание истории КПК). 2012. № 5. С. 60.

¹³ Учредителями ассоциации являлись Шэнь Яньбин, Чжэн Чжэньдо, Чжоу Цзюжэнь, Гэн Цзичжи и др.

¹⁴ Начало этого общества заложили Го Можо, Юй Дафу, Чэн Фаньгу, Чжан Цзыпин и др.

¹⁵ Основателями общества являлись Лу Синь, Вэй Суюань, Цао Цзинхуа, Ли Цзие и др.

¹⁶ Лу Синь — один из самых значительных и известных китайских писателей и мыслителей, представитель пролетариата.

¹⁷ Мао Дун — один из китайских писателей-лидеров тогдашнего времени.

¹⁸ Первые три работы, переведенные Жэнь Тинсюем на китайский язык, представляли собой басни И. А. Крылова. Они были опубликованы в книге «Политика, традиции и обычаи России» (т. 1). См. об этом: 黄定天 (Хуан Динтянь). 中俄文化关系史稿 (История китайско-российских культурных отношений). Чанчунь, 2011. С. 43.

¹⁹ 戈宝权 (Гэ Баоцюань). 谈中俄文字之交 (К вопросу о письменном контакте Китая и России) // 中国社会科学 (Социально-гуманитарные науки Китая). 1987. № 5. С. 177.

²⁰ Хуан Динтянь. История китайско-российских культурных отношений. С. 47. — В это время более значительными переводами с русского были десять «Сборников русских оперных драм», журнал «Проблемы русской литературы», дополнение к ежемесячному журналу «Прозы» под редакцией Шэнь Яньбин, а также двухтомный журнал «О литературе угнетенных народов». Помимо этого, Лу Синь и Чжоу Цзюжэнь в 1909 г. перевели ряд произведений, составивших двухтомное «Собрание рассказов зарубежья», куда вошли и русские авторы.

²¹ «Дополнение к сборнику рассказов». Цит. по: 冒焄 (Мао Синь). 鲁迅, 瞿秋白与《海上森林》(Лу Синь, Цюй Цюбо и книга «Хайшаншулинь») // 江苏师学报 (Вестник Цзянсуского педагогического института). 1981. № 3. С. 38.

²² Го Можо — известный литератор и историк.

²³ 周冰心 (Чжоу Бинсинь). 高尔基《海燕》与中国现代语言文学 — 以瞿秋白、戈宝权的译文为例 (Стихотворение М. Горького «Песня о буревестнике» и его соотношение с современным китайским языком и литературой — на примере переводов Цюй Цюбо и Гэ Баоцюаня) // 俄罗斯文艺 (Русская литература и искусство). 2008. № 2. С. 72.

²⁴ 杨之华 (Ян Чжихуа). 一个共产党人, 瞿秋白 (О коммунисте Цюй Цюбо) // 忆秋白 (Память о Цюй Цюбо). Пекин, 1981. С. 56. — См. также: Хао Шуся. История русского языка в Китае (1708–1949). С. 140.

²⁵ Первый перевод «Интернационала» с русского языка выполнили в августе 1920 г. Гэн Цзичжи и Чжэн Чжэньдо. Он получил название «Красный стих — хвалебная песня Третьего Интернационала» и был опубликован в журнале «Проблемы русской литературы», дополнении к ежемесячному журналу «Прозы» (1921. № 12). Однако этот перевод для исполнения гимна не подошел. Перевод Цюй Цюбо был опубликован в журнале «Новая молодежь» (1921. Июнь. № 1), став первой популярной версией пролетарского гимна в Китае. См.: 郑尔康 (Чжэн Эркэн). 谁是《国际歌》最早的中译者 (Кто является первым переводчиком текста песни «Интернационал») // 兰台内外 (Лань-тай-най-вай). 2007. № 6. С. 56.

²⁶ Следует также особо отметить другого переводчика — Вэй Суюаня, который вместе с Лу Сином основал «Безымянное общество», где публиковались преимущественно переводные литературные произведения. При его участии было издано немало русских и советских литературных трудов, например роман «Железный поток», переведенный Цао Цзинхуаи.

²⁷ Хуан Динтянь. История китайско-российских культурных отношений. С. 45.

²⁸ Первый период относится к династиям Чжаньго, Цинь и Хань, когда заимствованная лексика приходит из западного края Древнего Китая. Второй период восходит к династиям Вэй,

Цзинь, Суй и Тан, когда в лексический запас китайского языка попадают слова из санскрита. Третий период приходится на период от «опиумных войн» до Движения 4 мая, когда в состав китайского языка попадают в основном слова английского и японского происхождения. Четвертый период начался с Октябрьской революции в России и продолжался до начала образования нового Китая. На этом отрезке времени основная масса слов была заимствована из русского языка. В ходе пятого периода заимствования, начавшегося с момента реформ и открытости и продолжающегося до сегодняшнего дня, основным источником пополнения китайского языка становится английский язык.

²⁹ 徐来娣 (Сюй Лайди). 汉俄语言接触中俄语在语义层面对汉语的影响 (Влияние русского языка на китайский на семантическом уровне при сближении двух языков) // 汉语学习 (Изучение китайского языка). 2008. № 5. С. 88.

³⁰ Сюй Лайди. 汉俄语言接触研究 (Проблемы контактов между китайским и русским языками). Харбин, 2007. С. 27.

³¹ Там же.

³² 张君勱 (Чжан Цзюньмай). 俄罗斯苏维埃联邦共和国宪法全文 (Конституция Российской Советской Федеральной Социалистической Республики) // 解放与改造 (Освобождение и преобразование). 1919. Т. 1, № 6. С. 25–42.

³³ 葛思恩 (Гэ Сы-ын), 俞湘文 (Юй Сянвэнь). 十月革命后俞颂华在苏俄的采访 (О репортаже Юй Сунхуа в Советской России после Октябрьской революции) // 新闻研究资料 (Материалы изучения новостей). 1983. № 6. С. 70.

³⁴ 张喜德 (Чжан Сидэ), 关晓颖 (Гуань Сяоин). 中央苏区的创建与共产国际(上) — 中共的苏维埃运动与马克思主义中国化 (Создание центрально-советской зоны и Интернационал «первая часть» — советское движение компартии Китая и марксизм в Китае) // 河南理工大学学报(社会科学版) (Вестник Хэнаньского политехнического университета «издание общественно-гуманитарных наук»). 2012. № 3. С. 250.

³⁵ 中共中央文件选集 (Избранные документы ЦК КПК). Т. 3. Пекин, 1989. С. 370.

³⁶ 朱敏彦 (Чжу Миньянь). 瞿秋白主编的《布尔什维克》 («Большевик» под ред. Цюй Цюбо) // 新闻研究资料 (Материалы изучения новостей). 1987. № 3. С. 166–167.

³⁷ 王玉福 (Ван Юйфу). 试论毛泽东的苏维埃共和国思想 (К вопросу об идее Мао Цзэдуна о советской республике) // 河南师范大学学报 (Вестник Хэнаньского педагогического университета (издание общественно-гуманитарных наук)). 2000. № 3. С. 19.

³⁸ 瞿秋白 (Цюй Цюбо). 赤都心史 (Впечатления о красной столице). 2004. С. 67.

³⁹ 中苏文化 (Культура Китая и СССР). 1949. Т. 20, № 7. С. 2.

⁴⁰ Эти примеры взяты из книги «Проблемы контактов между китайским и русским языками».

⁴¹ 葛思恩 (Гэ Сы-ын), 俞湘文 (Юй Сянвэнь). 十月革命后俞颂华在苏俄的采访 (О репортаже Юй Сунхуа в Советской России после Октябрьской революции) // 新闻研究资料 (Материалы изучения новостей). 1983. № 6. С. 61.

⁴² Обе морфемы переводятся на русский язык как «красный».

⁴³ 李大钊全集 (Полное собрание трудов Ли Дачжао). Т. 2. Пекин, 2006. С. 246.

⁴⁴ 瞿秋白 (Цюй Цюбо). 赤都心史 (Впечатления о красной столице). 2004. С. 6.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2018 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е Байчуань, Чжан Боно, Луань Цюжуй. Октябрьская революция и распространение русского языка в Китае (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 725–742. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.312>
УДК 94(510).09

Аннотация: Авторы статьи, опираясь на богатый исторический путь, пройденный Китаем, анализируют влияние Октябрьской революции 1917 г. на эту страну с точки зрения распространения на ее

территории русского языка. Первые попытки рецепции русского языка в Китае относятся еще к началу XVIII в. Спустя 200 лет в силу исторических событий, произошедших в России и потрясших весь мир, русский язык снова стал активно проникать в китайскую жизнь, что выразилось в увеличении числа людей, изучавших русский язык и российскую культуру. В значительной степени это касалось соседних с Россией районов. Так, после завершения строительства Китайско-Восточной железной дороги и после событий Октябрьской революции большое количество российских эмигрантов оказалось на территории северо-восточного Китая. В Харбине была разработана целостная образовательная система, включавшая подготовку от начальной и средней школы до профессиональных училищ и высших учебных заведений. В 1920–1930-е гг. важным фактором, способствовавшим распространению русского языка в Китае, стали переводы литературных произведений русских и советских писателей. По подсчетам лингвистов, в современном китайском языке насчитывается около 1200 слов русского происхождения. Усилия китайской интеллигенции были направлены на перевод не только литературных произведений, но и работ, связанных с марксистским учением о литературе и искусстве. Наконец, утверждение нового политического строя в России привело к тому, что в китайский язык вошли термины, отражающие классовый характер Советского государства, борьбу правящей партии и ее противников, противостояние враждующих сторон времен Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Октябрьская революция, русский язык, Китай, русская литература, китайская культура.

Сведения об авторах: Е Байчуань — доц., Народный университет Китая (Пекин, КНР); zhaofc@sina.com | Чжан Боно — канд. филол. наук, ст. преп., Пекинский педагогический университет (Пекин, КНР); zbn822@163.com | Луань Цюжуй — аспирант, Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия); 764876884@qq.com

Китайский народный университет, Пекин, 100872, район Хайдянь, ул. Чжунгуаньцунь 59
Пекинский педагогический университет, Пекин, 100875, район Хайдянь, ул. Синьцзекоувай 19
Амурский государственный университет, Россия, 675027, Благовещенск, Игнатьевское ш., 21

FOR CITATION

Baichuan Ye, Bonuo Zhang, Qiurui Luan. 'The October Revolution and the Spread of the Russian Language in China (1920–1930s)', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 725–742. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.312>

Abstract: In this article, the authors, using the rich historical path traversed by China, analyze the influence of the October Revolution of 1917 on this country in terms of the spread of the Russian language on its territory. They note that the first attempts to spread Russian in China date back to the beginning of the 18th century. Two hundred years later, due to historical events that occurred in Russia and that shook the whole world, Russian received a new opportunity for active penetration into Chinese life. This was reflected in the increase in the number of people studying Russian language and culture. To a large extent, this was the case in Russia's neighboring areas. After the completion of the construction of the Chinese Eastern Railway and after the October Revolution, a large number of Russian emigrants found themselves in the territory of northeast China. According to linguists, there are about 1,200 words of Russian origin in modern Chinese. This was facilitated by the fact that, in addition to literary works, the enormous efforts of the Chinese intelligentsia were directed towards the translation of works related to the teachings of Marxism on literature and art. Finally, the approval of the new political system in Russia led to the fact that the Chinese language included terms reflecting the class character of the Soviet state, the struggle of the ruling party and its opponents, and opposition to the warring parties during the Russian Civil War.

Keywords: October Revolution, Russian language, China, Russian literature, Chinese culture.

Authors: Baichuan Ye — Associate Professor, Renmin University of China (Beijing, China); zhaofc@sina.com | Bonuo Zhang — Lecturer, Beijing Normal University (Beijing, China), zbn822@163.com | Qiurui Luan — PhD Student, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia) 764876884@qq.com

Renmin University of China, No. 59 Zhongguancun St., Haidian District, Beijing, 100872, China
 Beijing Normal University, No. 19, Xijiekouwai St., Haidian District, Beijing 100875, China
 Amur State University, 21, Ignatyevskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia

References:

- Eropkina O.I. 'Russian and Chinese schools on the Chinese Eastern Railway in 1920s', *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 3, 2001. (In Russian)
- Ge Baoquan. 'On the issue of written contact between China and Russia', *Zhong guo she hui ke xue*, no. 5, 1987. (In Chinese)
- Ge Si-en, Yu Xiangwen. 'About the reporting of Yu Songhua in Soviet Russia after the October Revolution', *Xin wen yan jiu zi liao*, no. 6, 1983. (In Chinese)
- Hao Shuxia. 'The first school of foreign languages created by the CPC, the Shanghai School of Foreign Languages', *Dang shi yan jiu yv jiao xue*, no. 5, 2012. (In Chinese)
- Hao Shuxia. *History of teaching Russian language in China (1708–1949)* (Tianjin, 2007). (In Chinese)
- Huang Dingtian. *History of Chinese-Russian Cultural Relations* (Changchun, 2011). (In Chinese)
- Li Yongsen, Yao Yuan. *Notes on the development of Northwestern University (Xi'an, 2002)*. (In Chinese)
- Mao Xi. 'Lu Xun, Qu Qiubai and the book "Haishanshulin"', *Jiang su shi fan xue bao*, no. 3, 1981. (In Chinese)
- Selected documents of the CPC Central Committee*, Vol. 3 (Beijing, 1989). (In Chinese)
- Shen Zhihua. *The history of Sino-Soviet relations: Once again about the problems of Sino-Soviet relations in the period 1917–1991* (Beijing, 2011). (In Chinese)
- The Complete Works of Li Dazhao*, Vol. 2 (Beijing, 2006). (In Chinese)
- Wang Yufu. 'On the question of the idea of Mao Zedong about the Soviet republic', *Henan shi fan da xue xue bao*, no. 3, 2000. (In Chinese)
- Xu Laiti. 'Influence of Russian on Chinese at the semantic level at rapprochement of two languages', *Han yu xue xi*, no. 5, 2008. (In Chinese)
- Xu Laiti. *Problems of contact between Chinese and Russian languages* (Harbin, 2007). (In Chinese)
- Yang Zhihua. 'About the Communist Qu Qiubai', *Yi Qiubai* (Beijing, 1981). (In Chinese)
- Zhang Xide, Guan Xiaoyin. 'The creation of the Central Soviet zone and the Internationale. "The first part" — the Soviet movement of the Chinese Communist Party and Marxism in China', *He nan li gong da xue xue bao She hui ke xue bao*, no. 3, 2012. (In Chinese)
- Zhen Erkang. 'Who is the first translator of the text of the song "Internationale"', *Lan tai nei wai*, no. 6, 2007. (In Chinese)
- Zhou Binxin. 'M. Gorky's poem "The Song of the Thunderbird" and its relation to the modern Chinese language and literature — using the example of Qu Qiubai and Ge Baoquan's translations', *E luo si wen yi*, no. 2, 2008. (In Chinese)
- Zhu Mingyan. "'Bolshevik" edited by Qu Qiubai', *Xin wen yan jiu zi liao*, no. 3, 1987. (In Chinese)

Received: November 21, 2018

Accepted: May 16, 2019